

Сидоренко Е. Н.
ЧАСТИ РЕЧИ И КОНТАМИНАНТЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ

Одним из интересных и перспективных направлений развития современной лингвистики является теория языковых смыслов, уходящая корнями в античность (Аристотель и др.) и средневековье (Грамматика Пор-Рояля и др.), развивающаяся в трудах ученых XX в. (О. Есперсена, А. Вежбицкой, И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, И. А. Мельчука, А. В. Бондарко и др.) и оформившаяся в современном варианте в работах Н. Ю. Шведовой и ее последователей [Шведова, 1995; 1998, 2005; Воротников, 2001; 2003 и др.].

В интерпретации Н. Ю. Шведовой «языковой смысл – это самое общее, глобальное (универсальное) понятие, первично означенное местоименным исходом, средствами принадлежащих ему местоимений сегментированное по тричному признаку определенности (это собственно исход) – неопределенности – непредставленности и материализуемое при помощи таких разноуровневых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет в себе все эти единицы в некое семантическое множество» [Шведова, 2005, с. 598].

В нашем определении языковой смысл – это самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономаσιологических единиц, объединенных в семантическое целое и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия – соответствующими функциональными заместителями, лексиями). В нашей рабочей классификации мы выделяем следующие языковые смыслы: предметность; признак предмета; число или количество; действие, состояние и отношение как процесс; качественную характеристику процесса и образ и способ действия; меру и степень, пространство (место и направление); время; причину и следствие; цель; уступку; состояние.

Средствами именованья (ономаσιологическими единицами, выражающими языковые смыслы), по нашему мнению, являются: 1) слово (точнее – словоформа); расчлененные единицы: 2) предложно-падежная форма; 3) словосочетание особого типа, семантически эквивалентное слову; 4) лексия; 5) фразовый номинант [Сидоренко, 2001, 2005 и др.].

Главным средством выражения смысла, его ядром является слово (на уровне морфологии – часть речи). За каждым языковым смыслом в процессе развития языка закрепились определенная знаменательная часть речи. Обратимся к рассмотрению общего и различий в категориальном значении части речи и языкового смысла. Учитывая полисемию терминов, к сожалению, широко распространенную в лингвистике, определим значение используемых терминов.

Часть речи – это лексико-грамматический класс слов с набором индивидуальных дифференциальных признаков. В составе знаменательных частей речи мы выделяем имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие и безлично-предикативное слово.

Категориальное значение части речи – это обобщенное лексико-грамматическое значение всех слов данной части речи. В современной лингвистике принято выделять следующие категориальные значения знаменательных частей речи: предметность – у имени существительного, признак предмета – у имени прилагательного, количество и число у имени числительного, действие, состояние, отношение как процесс – у глагола, признак процесса и другого признака – у наречия, состояние или его оценка – у безлично-предикативного слова. Местоимения объединяют в себе категориальные значения 5 знаменательных частей речи (кроме глагола), но оформляют их с помощью особого прономинального способа отображения (подробнее см.: Сидоренко, 2002, 2004 и др.).

Кроме частей речи мы выделяем «гибридные» классы слов – контаминанты. Это тоже лексико-грамматические классы слов, но с набором не индивидуальных, а уже выделенных в других частях речи дифференциальных признаков, по-особому (иногда – в трансформированном виде) представленных в данном классе слов. К контаминантам мы относим причастия, объединяющие свойства глаголов и имен прилагательных (вербально-адъективные контаминанты); деепричастия, совмещающие признаки глаголов и наречий (вербально-адвербиальные контаминанты); слова типа *нуль, тысяча, миллион*, объединяющие свойства имен числительных и существительных (нумерально-субстантивные контаминанты); так называемые союзные слова, включающие признаки местоимений и союзов (прономинально-конъюнкционные контаминанты) и некоторые другие (подробнее см.: Сидоренко, 2004 и др.). Они тоже имеют собственные категориальные значения, но несколько измененные в сравнении со значениями тех частей речи, которые они объединяют.

Целью настоящей работы является исследование способности знаменательных частей речи выражать те или иные языковые смыслы, рассмотрение корреляции категориального значения части речи и языкового смысла. Обратимся к языковому смыслу «предметность». На словном уровне он представлен именами существительными. Категориальным (обобщенным лексико-грамматическим) значением данной части речи принято считать предметность. Из этого следует, что категориальное значение имени существительного совпадает с категориальным (обобщенным семантико-синтаксическим) значением языкового смысла «предметность». Каковы границы такого совпадения? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим примеры: *Ранним утром я ступил к реке. Кривыми улочками мы выбрались на окраину города. Портфель брата служил обозначением края ворот.* Выделенные имена существительные обслуживают следующие языковые смыслы: время, образ и способ действия, признак предмета. Они выражают эти значения, выполняя роль обстоятельство и несогласованного определения. Приведенные примеры дают основание сделать следующий вывод: имя существительное выражает прежде всего языковой смысл «предметность», но только в определенной синтаксической позиции: если оно выполняет роль морфологизованного члена предложения (подлежащего и дополнения). При квалификации категориального значения изменяемого слова можно говорить также о «словарном» слове, то есть о начальной форме – именительном падеже единственного числа, в которой оно представлено в словаре. На эти формы и синтаксические позиции ориентируются лингвисты, определяя

категориальное значение имени существительного. При условии выполнения в предложении роли неморфологизованного члена предложения (несогласованного определения, обстоятельств разных типов) имя существительное приобретает способность обслуживать другие языковые смыслы. Следует ли включать их в категориальное значение имени существительного? В какой мере синтаксическая нагрузка слова формирует его категориальное значение? Эти и подобные вопросы практически не ставились в лингвистической литературе, а ответы на них далеко не просты и отсутствуют в современной лингвистике. По первому вопросу мы предлагаем следующее решение: категориальное значение части речи определяется по значению входящих в нее «словарных слов» и в случаях выполнения ими роли морфологизованных членов предложения (для имени существительного таковыми являются функции подлежащего и сказуемого; для имени прилагательного – согласованного определения; для спрягаемого глагола – простого глагольного сказуемого). Кроме того, слова некоторых частей речи, выступая в роли неморфологизованных членов предложения, могут дополнительно выражать и другие языковые смыслы. В этом случае категориальное значение слова, принадлежащего к части речи, которая является ядром данного языкового смысла, вступает в противоречие с его окказиональной синтаксической нагрузкой, позволяющей ему реализовать нетипичные для слов рассматриваемой части речи языковые смыслы. В подтверждение высказанной мысли рассмотрим следующий пример.

Категориальным значением наречий принято считать признак процесса и другого признака (положение крайне спорное, но принятое за неимением лучшего); например: *приехал вчера* (наречие называет время действия); *сказал сгоряча* (наречие выражает причину) и т. д.

Морфологизованным членом предложения для наречий являются обстоятельства разных типов. В этом случае категориальное значение слов данной части речи коррелирует с их синтаксической и смысловой нагрузкой в предложении и соответствует категориальному значению языковых смыслов «время», «причина» и т. д., что подтверждается использованием местоименных категоризаторов *когда*, *почему* и др. Споры возникают при определении категориального значения наречий, выполняющих роль несогласованного определения в словосочетаниях типа *рубашка навывпуск*, *кофе по-турецки*, *дом напротив* и под. По нашему мнению, категориальное значение выделенных наречий сохраняется таким же, каким оно было в «словарном слове» и при употреблении его в роли морфологизованного члена предложения (*навывпуск* – наречие со значением образа и способа действия: *рубашка*, *сшитая навывпуск*; *напротив* – наречие со значением места: *дом*, *расположенный напротив*) и т. д. Изменившаяся при эллипсисе причастия синтаксическая нагрузка наречий привела к тому, что они приобрели способность передавать языковой смысл «признак предмета».

Сказанное позволяет сделать следующий вывод: часть речи, являющаяся ядром данного языкового смысла, имеет одинаковое с ним категориальное значение в том случае, если слова этого лексико-грамматического класса выполняют функцию морфологизованного члена предложения или рассматриваются как «словарные слова». Выступая в роли неморфологизованных членов предложения, слова данной части речи приобретают способность выражать нетипичные для данной части речи языковые смыслы. В последнем случае категориальные значения языковых смыслов и слов ядерной части речи не коррелируют друг с другом.

Отдельного рассмотрения требуют контаминанты, представленные знаменательными словами. Они берут за основу категориальное значение одной из двух частей речи, дифференциальные признаки которых совмещают в себе, но не в чистом, а в «осложненном» виде; например, причастия называют признак предмета, но предмета действующего (действовавшего) или испытывающего (испытывавшего) действие. Изучение корреляции категориального значения контаминантов и категориального значения выражаемых ими языковых смыслов должно составить предмет самостоятельного исследования.

Спецификой ономаσιологического представления языкового смысла является то, что он может быть выражен не только словами, но и расчлененными ономаσιологическими единицами; например, языковой смысл «предметность» передают а) предложно-падежные сочетания (*думать о друге*); б) словосочетания особого типа (*набережная улица = набережная*; *железная дорога*); в) лексии (*редко что, мало кто*); г) фразовые номинанты (*кто молод, что скажешь*). Для всех форм выражения языкового смысла главным является семантическая общность, возможность использования одного и того же местоименного конкретизатора.

К сожалению, в современной лингвистике категориальное значение части речи и в еще большей степени – категориальное значение языкового смысла не представлены на теоретическом уровне, а в тех работах, в которых предпринимаются попытки сделать это, допускается их смешение. Л. Г. Яцкевич пишет: «Категориальное значение части речи представляет собой особый тип языковой семантики: это векторный имплицитный тип семантики, в отличие от грамматических значений, грамматических категорий и словообразовательных значений, выражающих свою семантику эксплицитно – в грамматической и словообразовательной оформленности слова. Это значение части речи включается в качестве ядерного грамматического значения в языковое поле соответствующего грамматического контекста, который находит в нем свое воплощение» [Яцкевич, 2004, с. 140]. Это определение и показ способов выражения субстантивности свидетельствует о том, что автор смешивает понятия «категориальное значение части речи» и «категориальное значение языкового смысла», выводя последнее под именем «грамматический концепт части речи». Особенно четко это прослеживается в п. 2.2. «Грамматические концепты частей речи. Формы их существования в структуре русского языка», где автор пишет: «Грамматические концепты и категориальные значения частей речи соотносительные, но не тождественные понятия. Соотносительность проявляется в том, что состав грамматических концептов языка определяет состав его частей речи и их категориальных значений. Нетождественность грамматических концептов и категориальных значений частей речи обусловлена тем, что грамматический концепт – результат обобщения более высокого уровня, чем категориальное значение части речи. В силу этого на основе грамматического концепта в лексической системе языка формируются не только грамматические классы – части речи, но и грамматические и лексико-грамматические сверхклассы, подклассы и метаклассы» [Яцкевич, 2004, с. 40-41]. Последние (подклассы, метаклассы) автором не раскрываются, но можно

допустить, что в этом случае имеются в виду расчлененные единицы именования, выделяемые нами, а кроме того – разнородные объединения, вообще не имеющие прямого отношения к анализируемому явлению. Так, автор в субстантивную номинацию включает наречия типа *Дома знают об этом. Внизу успели подготовиться*; выделяет субстантивную номинацию, осуществляемую словоформами имен существительных в косвенных падежах, обозначающих тему высказывания: *Из Москвы вернулись?* (*То есть те, кто уехал в Москву*) [Яцкевич, 2004, с. 66]. Понятно, что в таком сверхшироком понимании «грамматический концепт части речи» выходит далеко за пределы языкового смысла, и становится совсем непонятно, почему в названной выше работе речь идет о части речи, точнее – о категориальном значении части речи.

Сделаем общий вывод: знаменательная лексика, представленная в разных лексико-грамматических классах слов (частях речи и контаминантах), является главным средством выражения языковых смыслов в русском языке, организует смысловые пространства по определенным законам. Изучение этих законов следует признать одной из актуальных задач современной лингвистики.

Литература

1. Воротников Ю. Л. «Камо грядеши?» (О возможных путях развития российской лингвистики) // Вопросы филологии. – М., 2001. – № 2 (8). – С. 5-11.
2. Воротников Ю. Л. Местоимения как «языковые категоризаторы» // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 42-49.
3. Воротников Ю. Л. Языковой смысл – «вещь ли это настоящая?» // X конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русское слово в мировой культуре. – СПб., 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: Сб. докладов. – Т. 1. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 233-238.
4. Воротников Ю. Л. Языковой смысл как лингвистическая категория // XI междунар. конф. по функциональной лингвистике «Функциональное описание естественного языка и его единиц». Ялта, 4-8 октября 2004 г. – Симферополь, 2004. – С. 70-72.
5. Сидоренко Е. Н. Лексии в системе аналитических единиц: (Размышления над путями развития русского языка) // Диалог культур: этнические реалии и будущее Крыма. Междунар. научно-практическая конф. – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 65-69.
6. Сидоренко Е. Н. Лингвистика ономастических единиц как одно из направлений современного языкознания в XXI в. // 36. лінгв. тр. До 60-річчя проф. О. А. Колесникова. – Ізмаїл: Ізмаїл. держ. пед. ін-т, 2000. – С. 72-79.
7. Сидоренко Е. Н. Морфология современного русского языка (*части речи и контаминанты*). Материалы к лекциям. В двух частях. Ч. 1: Именные части речи. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2002. – 170 с.; Ч. 2: Глагол. Наречие. Безлично-предикативные слова. Модальные слова. Служебные части речи. Междометия. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. – 166 с.
8. Сидоренко Е. Н. Лингвистика языковых смыслов в русистике начала XXI века // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2004. – № 49. – Т. 1. – С. 54-57.
9. Сидоренко Е. Н. Контаминанты в русском языке // Русистика. Сборник научных трудов. – 2004. – Вып. 4. – К.: КНУ им. Т. Шевченко. – С. 21-30.
10. Сидоренко Е. Н. Некоторые материалы к теории языковых смыслов и средств их выражения // XII междунар. конф. по функциональной лингвистике «Функционализм как основа научных исследований». Сб. научн. докл. Ялта, 3-7 октября 2005 г. – Симферополь: ТНУ, 2005. – С. 312-314.
11. Е. Н., Гирская Т. Б., Пономаренко Е. А. Ономастические единицы в современном русском языке: типология, структура, грамматические особенности // Русская филология. Украинский вестник. Республиканский научно-методический журнал. – № 1-2 (18). – Харьков, 2001. – С. 11-14.
12. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.
13. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.
14. Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – 120 с.
15. Яцкевич Л. Г. Категориальные значения частей речи: Функционально-типологическое исследование. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2004. – 158 с.

Склярєнко О. Б.

АВТОРСЬКЕ ТА ПЕРСОНАЖНЕ МОВЛЕННЯ ЯК ОДНА ІЗ СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦІЙНИХ ДОМІНАНТ ОПОВІДАНЬ І. БАХМАН (НА МАТЕРІАЛІ ЗБІРКИ «DAS DREIßIGSTE JAHR»)

Структура художнього тексту є єдністю таких вагомих стилістичних центрів, як автор та персонаж, де автор – це організаційний центр художнього тексту, а персонаж – основний об'єкт художнього зображення. Саме така єдність вагомих стилістичних центрів забезпечується закономірностями розвитку його композиційно-архітектонічної будови [3, с. 44]. Художній текст – це складне комунікативне явище. Створивши художній текст, автор сам здійснює вибір предметів та явищ дійсності, а також форму розповіді про них. Саме в художньому тексті реалізується художня картина світу як результат авторського уявлення про дійсність. Авторська точка зору завжди суб'єктивно присутня в художньому тексті й виражається або в авторському мовленні, або в мовленні персонажів.

Предмет дослідження нашої статті становить авторське та персонажне мовлення як одна із структурно-композиційних домінант оповідань відомої австрійської авторки І. Бахман із збірки «Das dreißigste Jahr». Творчості цієї письменниці притаманні філософічність і психологізм, які характеризуються глибоким зануренням і проникненням автора в людську свідомість та почуття. Ця своєрідна властивість авторського світогляду й манера письма мають жанрову специфіку і відображаються в авторському та персонажному мовленні.

Мета дослідження полягає в з'ясуванні ідіостильових особливостей авторського та персонажного мовлення.

Питанню дослідження особливостей авторського та персонажного мовлення в художньому тексті присвячено багато робіт відомих дослідників, таких як: Є. Гончарова, Є. Кусько, Н. Будиніка, В. Одинцов, В. Кухаренко, М. Брандес, І. Домашнев, Є. Різель.

Авторська точка зору знаходить своє відображення в композиції художнього тексту. Такі терміни, як «композиція» та «архітектоніка» не мають нині єдиного трактування, тому що одні дослідники вважають ці поняття синонімічними, а інші вказують на їх розбіжність. Так, М. Брандес вважає композицію скелетом, кістяком, конструктивною основою всієї художньо-образної тканини художнього тексту [1, с. 97]. І. Домашнев